

УДК 94(477.75)725.942(477.75)

**«ДА БУДЕТ ЛЕГОК ТЕБЕ ВСЯКИЙ КАМЕНЬ»:
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СЕВЕРОПОНТИЙСКИХ ЭЛЛИНОВ О ПОСМЕРТНОЙ
УЧАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ)**

Лейбенсон Ю. Т.

*Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского, г. Симферополь, Украина
E-mail: indrik.htonic@gmail.com*

Статья посвящена анализу отражения в эпитафиях античных городов Северного Причерноморья взглядов на посмертную участь человека. Известно, что восприятие загробного существования постепенно менялось. В архаический и частично классический периоды преобладал пессимистический взгляд на посмертие. В эллинистическое время широко распространяются обычаи, связанные с героизацией умерших. Наконец, в римское время героизация становится массовым явлением. Если ранее героями становились лишь ойкисты и доблестнейшие воины, то в первые века по Р. Х. каждая семья чтит своих умерших, как духов-охранителей. Для героев воздвигаются особые памятники, в их честь приносятся жертвы. В Северном Причерноморье все эти общегреческие процессы находят отражение в разных типах памятников, в том числе, эпитафиях. Поскольку эпитафии являются массовым материалом, они свидетельствуют не только о полисных традициях, но и об индивидуальных взглядах авторов. Обращает на себя внимание тот факт, что для колоний Северного Причерноморья характерна практически одновременная с метрополиями эволюция взглядов на посмертие. Эпитафии из Ольвии и городов Боспора классического времени, за некоторыми исключениями, лаконичны. Эллинистические же надписи все более обращаются к индивидуальности человека, многие эпитафии содержат надежду на блаженную участь умершего. Интересным представляется отличие эпитафий Херсонеса от эпитафий Ольвии и городов Боспора. Эллинистическая героизация умерших, безусловно, затронула Херсонес, об этом свидетельствуют многочисленные формы надгробных памятников. Но эллинистические эпитафии херсонеситов до римского времени так же скудны, как и в предыдущую эпоху.

Ключевые слова: эпитафия, Северное Причерноморье, героизация, эллинизм.

ВВЕДЕНИЕ

В оде Вакхилида Аполлон говорит: «Ты смертен, человек. Поэтому живи, как будто каждый день последний для тебя, и вместе с тем, как будто впереди еще полвека глубоко-богатой жизни. Законы божеские чти и духом радуйся. Нет блага выше» [1, с. 25].

Эти слова совершенно точно отражают некое «общее» древнегреческое представление о том, какое место должно отводить размышлениям о смерти. Человек смертен – это неоспоримый факт, но именно поэтому и нужно радоваться жизни. В отличие от своих азиатских соседей, эллин не воспринимал свое земное существо-

вание как подготовку к загробной жизни, последняя практически всю античную эпоху мыслилась им как досадная необходимость, думать о которой столь же досадно. Во многом, именно по этой причине, Эллада и не знала сколько-нибудь стройного и, тем более, единого учения о малой эсхатологии. Тем не менее, вопрос о смерти касается каждого человека и к нему никто не может остаться равнодушным. И каждая эпоха формирует свой специфический взгляд на посмертную участь человека, и в этом взгляде отражается мысль о жизни, о ее индивидуальной ценности (или об отсутствии таковой), о месте человека в мире. Отношение к смерти и посмертию, таким образом, выступает в качестве квинтэссенции философской и религиозной мысли эпохи. Древнегреческие представления о смерти, пусть и не такие детальные, как египетские или шумерские, не являются исключением. А поскольку древнегреческая история очень динамична, то и философская мысль эллинов претерпевала значительные изменения. Ряд источников позволяет увидеть, как менялось отношение к смерти на протяжении нескольких веков, с архаики до первых веков по Рождеству Христову. Нас будет интересовать, каким образом менялось это отношение в греческих метрополиях и в городах-колониях Северного Причерноморья, жители которых не теряли ни связи с исторической родиной, ни собственной эллинской идентичности.

К проблеме эволюции взглядов на посмертную участь в античности обращались многие исследователи. Прекрасно описаны изменения в общегреческой религии и философии [9; 10], освящен ряд вопросов, относящихся непосредственно к Северному Причерноморью [6; 18; 20]. Данная же работа имеет целью выяснить, как эта эволюция отражалась в конкретной группе памятников – надгробных эпитафиях, известных во всех крупных центрах Северного Причерноморья; как содержание эпитафий соотносится с другими надгробными памятниками и с античной культурной традицией в целом.

1. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ПОСМЕРТИИ: ОТ АРХАИКИ К РИМСКОМУ ВРЕМЕНИ.

В эпоху архаики посмертие представлялось как существование в сумеречном царстве Аида. Греческая мифология знает и достаточно подробную топографию царства мертвых, и множество правил, связанных с «правильным» вхождением в Аид (как, например, традиционный «обол Харона»). В «Одиссее» говорится, что души умерших лишены памяти, и тень Ахиллеса, вызванная Одиссеем, говорит, что лучше быть последним поденщиком на земле, чем властвовать над мертвыми в Аиде [4, XII: 488 - 491]. Подобное отношение к смерти не оставляло человеку надежды на достойное загробное существование, зато заставляло его реализовывать себя в краткий период земной жизни, занимаясь, в первую очередь, общественными делами. Следует отметить, что в классический период такое неутешительное отношение к смерти оставалось господствующим, но уже наметились пути иного разрешения проблемы.

Пифагор учил, что вечная душа переселяется с небес в бrenное тело человека или животного и претерпевает ряд переселений, пока не заслужит права вернуться обратно на небеса, в некое божественное состояние [8, с. 37]. Платон также говорил о возможном метемпсихозе, который ожидает неочистившиеся души. Только душа

истинного философа может «перейти в род богов» [17, с.316]. Подобные идеи развивали относительно немногочисленные последователи этих философов, и, хотя их вклад в развитие античной философии трудно переоценить, мысль о приобщении к богам не была широко распространена. В классический же период появляется тенденция к героизации и почитанию отдельных умерших. Это выражается в определенном типе памятников, которые устанавливались, прежде всего, на могилах аристократов. Кроме того, героями становились ктисты, ойкиты – отцы-основатели городов, а также доблестные воины. Герой мыслился, как существо сверхъестественного роста и красоты, он покровительствовал общине и отдельным гражданам. Но герой мог и жестоко наказать того, кто не воздает ему должных почестей. Гиппократ в трактате «О священной болезни» указывает на народные предрассудки, согласно которым, ночные страхи являются «наваждением героев» [3, с. 499].

Ситуация меняется в эллинистический период. Кризис полиса, распространение монархической формы управления заставляют общество искать новые формы и идеи, как в политической, так и в культурной, и в психологической сферах. Теперь, когда общественная жизнь и степень влияния на политическую ситуацию рядового гражданина античного полиса ограничена или сводится к нулю, вполне естественно, что сфера основных интересов человека перемещается к вопросам частной жизни. Это выражается в самых разных формах, в частности, в повышенном интересе к посмертной участи человека. Теперь религиозное сознание эллина не может смириться с безрадостной перспективой бродить бесплотной тенью в Аиде. И если раньше в Элизиуме или в сонме богов на Островах Блаженных обитали только отдельные лица: полубоги, великие воины или отцы полиса, то в эллинистический период героями, достойными такой загробной жизни, становятся все умершие. Конечно, теперь почитание героизированных умерших не выходит за рамки отдельной семьи, но оно имеет важное значение. Почивший родственник в представлении домочадцев не только удостоивается блаженной участи, но и может оказать влияние на судьбу потомков. Именно поэтому массовыми становятся такие формы надгробий, как герооны, эдикулы, наиски. Как божество обитает в своем храме, так и душа героя – в своей гробнице (рис. 1). Героизация умерших пережила эллинизм. «В римское время слово «герой» стало практически синонимом слова «покойник» [6, с. 6]. Интересна также формула, часто встречающаяся в римских эпитафиях: «Богам Манам» – так обращались к душам мертвых, от которых живые родственники ждали покровительства в житейских делах [21, с. 44]. Вместе с тем, получают развитие и другие представления, также возникшие в эллинистический период: например, представление о предопределении, связанное с астрологией (например, длительность человеческой жизни определялась положением светил при его рождении) [22, с. 216]. Подобные взгляды оставались господствующими до конца античности и сменились христианским учением о посмертном существовании души.

2. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОСМЕРТНУЮ УЧАСТЬ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Эволюцию взглядов на посмертное бытие в Северном Причерноморье отражают различные группы памятников: надгробия, антропоморфные скульптуры, саркофаги, росписи склепов. Нас же будет в первую очередь интересовать содержание

эпитафий. Надгробные эпитафии хорошо известны в северопричерноморских полисах, они присутствуют в разное время на значительной территории, а потому могут считаться массовым материалом. Особенность эпитафий не только в том, что они отражают верования, традиции и культурные связи, но и в том, что их содержание зачастую зависит от взглядов и убеждений сочинителя. Принимая эту особенность во внимание, заметим, что она не является препятствием для исследования, поскольку убеждения автора эпитафии, так или иначе, формируются в контексте той или иной культурно-исторической парадигмы.

Прежде всего, следует обратиться к эпитафиям, происходящим из Ольвии. Расцвет культуры этого полиса приходится на классический период. Ольвия находилась в окружении варварских племен, но, тем не менее, сохраняла тесные связи с греческими центрами. Все это сближает полис не с периферийной культурой, а с теми чертами, которые наблюдаются в развитии Аттики, следовательно, в целом надгробные памятники должны отражать соответствующие представления о загробной жизни. Что касается ольвийских эпитафий V – начала IV вв. до н. э., они в основном лаконичны и содержат либо исключительно имя и отчество усопшего [14: 96, 97], либо прощание с умершим. Исключением выглядит надпись на мраморной стеле, относящейся к V в. до н. э.: «Памятник доблести, я говорю, что вдали, за отчизну / Жизнь отдавши, лежит сын Мольпагора Леокс» [16, с. 131]. Исключение это не случайно, так как отражает процесс героизации наиболее выдающихся граждан. Рельеф, сохранившийся на стеле, также об этом свидетельствует: на одной стороне памятника высечен стоящий юноша с копьем, а на другой – фигура, стоящая в профиль в восточной одежде с горитом у левого бедра и со стрелой в руках. В пользу героизации отдельных граждан (прежде всего, аристократов) говорят и находки надгробных мраморных скульптур, саркофагов и стел, схематически изображающих храм в миниатюре (в Ольвии они известны с архаики до римского времени). Тем не менее, процесс героизации во всех типах надгробных памятников отражают не надписи, а изобразительные средства.

Это справедливо и для эллинизма, с IV в. до н. э. по II в. н. э., когда «в Ольвии процветает апофеоз смерти – героизация умерших». Надгробные скульптуры и стелы, в которых широко представлен сюжет загробной трапезы, дополняются наисками и циппи, которые так же связывают с героизацией умерших. Но надписи прямо об этом не говорят, хотя и приобретают иной характер. Эпитафии становятся лиричнее, они отражают больший интерес к человеку, нежели надписи предыдущих периодов. «О, Эпикрат, Исократ дитя! / Над могилою стела / Памятник это / Хотя рано в могилу тебе» [16, с. 143]. Как и в большинстве регионов ойкумены, эти традиции получают развитие в римское время. Обращает на себя внимание надпись, относящаяся ко II в. н. э. Эпитафия посвящена Мойродору и сохранилась на постаменте для статуи, к сожалению, не сохранившейся. Она гласит: «Эта могила, о странник, заключает в себе покойника, дошедшего до обычного всем предела жизни. Его родиной был скифский город Ольвия, а имя у смертных – сложенное из слов судьба и дар. Это был маститый старец, который, уходя в назначенный роком дом Аида, оставил в живых двоих детей. Его, одинаково желанного людям и бессмертным, пошли в жилище благочестивых» [16, с. 131]. Эта замечательная во многих

отношениях надпись важна для нас, в первую очередь, как отражение представлений о необратимой судьбе, назначенном каждому «пределе жизни» и об особенной посмертной участи достойных людей: несмотря на то, что человек отправляется в «дом Аида», он заслуживает того, чтобы присоединиться к благочестивым (С. Э. Андреева дает перевод «блаженным»). Также распространена формула посвящения надгробия «Богам Манам», которую использовали римские солдаты, находившиеся в Ольвии [16, с. 139]. Все это традиции, находящие аналогии во многих других регионах античного мира.

Особенное внимание обращают на себя боспорские эпитафии. Абсолютное большинство стихотворных эпитафий происходят именно из городов Боспора. Они отличаются особенной лиричностью и поэтичностью: неоднократно в литературе отмечался тот факт, что в стихотворных надписях присутствуют разнообразные литературные приемы, свойственные лучшим образцам античной поэзии. Вместе с тем, боспорские эпитафии отражают и индивидуальный характер составителя, поэтому служат прекрасным источником для изучения духовной и общественной жизни боспорских полисов. Нас же, в первую очередь, интересует отражение в этих надписях представления боспорских граждан о смерти.

Из эпитафий классического времени известны краткие надписи, либо указывающие только имя и отчество погребенного, либо содержащие дополнительные сведения: происхождение, возраст или обстоятельства смерти: «Под этим памятником лежит муж, для многих желанный, родом тавр. Имя же его Тихон» [13, с. 114].

В эллинистическое время на Боспоре повсеместной становится героизация умерших (об этом свидетельствуют разнообразные формы памятников: саркофаги, курганы, стелы с рельефными изображениями сцен прощания, ритуальной трапезы и героизированного всадника) [6, с. 59–60]. Надписи же, прежде всего, отражают скорбь близких об ушедшем, в них мотив героизации звучит редко. Вместе с тем, эпитафии становятся подчеркнута лиричными, пространными, в них отражается глубокий интерес не только к обстоятельствам смерти, но и личности самого умершего: «Саббион, сын Стефана, прощай. Несчастный, тебя поразила удар судьбы и погибло все лучшее, что было в тебе: добрый нрав, ум, расцвет – и это причина наших терзаний. Музы, прежде улаждавшие тебя среди нас, теперь плачут над тобой, несчастный. Ты стал предметом скорби для матери и печали для отца. Словно ветка дерева ты был сломлен и ушел в Аид, Саббион. Но да будет легок тебе всякий камень, если при жизни ты был так ласков со всеми» [16, с. 146].

Вопрос о том, что случится с человеком после смерти, непосредственно затрагивается только в некоторых надписях, которые являются уникальными по ряду причин. Одна из надписей прямо говорит о том, что умерший отправляется в Аид: «Скифская земля, окружив, укрыла Гекатея, дышащего вином, вдали от милой родины. Душу его принял Ахеронт, а тело – могила» [16, с. 117]. Образцом литературного творчества на Боспоре по праву считается эпитафия Феофилы: «Феофила, дочь Гекатея, прощай. Ко мне, Феофиле, дочери Гекатея, недолговечной деве, сватались юноши. Но их предупредил похитивший меня Аид, узрев во мне Персефону – прекраснее Персефоны. И оплакивает вырезанная на могильном камне надпись девушку Феофилу, синопянку, свадебные факелы которой отец ее Гекатей приготовил не

для брака, а для Аида. Не брачные узы владеют тобой, дева Феофила, а то место, откуда не бывает возврата: ты уже не невеста Менофила, а соучастница Кору по ложу. А у твоего отца Гекатея осталось одно лишь имя погибшей, образ твой он видит в камне, несбыточные же его надежды нечестивая похоронила Мойра. Тебя, Феофилу, на долю которой выпала завидная среди людей красота, тебя, десятую музу Хариту, созревшую к браку, образец стыдливости, не руками темными обнял Аид, а Плутон лампадой зажег для тебя брачные свечи, приняв тебя в свадебный свой чертог возлюбленной супругой. Прекратите, родители, плач, остановите свои стенания: Феофила получила в удел ложе бессмертного» [16, с. 141]. Наряду с традиционным для всей Эллады выражением скорби из-за того, что девушка умерла до брака, автор высказывает мысль о завидной участи умершей – стать «Персефой лучше Персефоны», то есть, достигнуть бессмертия среди героев и богов [7, с. 20]. Эпитафия Феофилы – это, пожалуй, самое яркое, не столько в мифологическом, сколько в художественном отношении, свидетельство о героизации умерших в надписях Северного Причерноморья. Мотив героизации отражается и в других надписях. Описывая кончину Менодора, сына Аполлония, выходца из Синопы, погибшего в Боспорской земле, «изрубив много кровавых вражьих доспехов», автор эпитафии желает покойному «жить в священном доме благочестивых», что, безусловно, является хорошей посмертной участью [16, с. 131]. Другая надпись воспроизводит мотив героизации в том смысле, что умершие могут повлиять на судьбу своих родных, устанавливавших им памятники и должным образом заботящихся о них (это, по-видимому, и служило одной из причин героизации умерших): «Если что-либо значат молитвы родителей из Аида, то получишь ты, Антипатр, такую же благодарность от детей» [16, с. 132].

Нельзя обойти вниманием и эпитафию Гекатея: «Ты запечатлел славу мудрости не словом, а жизнью, сам познав священные решения. Итак, Гекатей, покоясь во цвете лет, знай, что ты сам скорее избежал круга мучительных страданий» [16, с. 121]. Необычность надписи привлекла исследователей вскоре после ее издания. Ю. Ю. Марти считал, что надпись свидетельствует о совершении Гекатеем самоубийства [15, с. 31]. Можно прийти к выводу, что эпитафия представляет взгляды орфиков, согласно которым душа вынуждена следовать по кругу перерождений. И поскольку Гекатей был посвященным в таинства орфиков, он из этого мучительного круга вырвался. Тем не менее, Д. В. Панченко прекрасно показывает неосновательность такого предположения: «круг страданий» - это не обязательно круг перерождений, уже во времена Аристотеля вошло в поговорку выражение «дела людские называют круговоротом», а формула «сам познав священные решения» указывает на философа-самоучку, а не на посвященного [15, с. 29]. Таким образом, в Гекатее можно видеть философа, достигшего истинной мудрости, для которой смерть кажется освобождением. О том же, что ждет Гекатея после смерти, автор надгробной надписи не говорит.

В эпитафиях римского времени наиболее часто отражается мотив беседы умершего с прохожим, указание имен тех, кто поставил памятник. О героизации умерших свидетельствует стела, найденная на Тамани: «Тимофей, сын Дасея, прощай. Тимофей, праведный муж своей отчизны, сын Дасея, ты умер, завершив три

десятка лет. О несчастный, я скорблю над тобой у твоей многооплаканной могилы; теперь, скончавшись, да пребываешь ты вместе с героями» [16, с. 1057].

Специфическими для всего Северного Причерноморья являются памятники Херсонеса. Этот полис был основан позднее Ольвии и крупных городов Боспора, кроме того, он является единственным дорийским полисом в данном регионе. Колонисты с самого начала взаимодействовали с окружающими варварами совершенно иначе, чем жители соседних греческих центров. Все эти факторы накладывали определенный отпечаток на традиции Херсонеса, в том числе, и погребальные. В то время, когда на Боспоре и в Ольвии обычным становится изображать на надгробиях героизированного умершего и свидетельствовать в эпитафии о глубокой скорби его родных, в Херсонесе распространяется несколько типов надгробных стел, на которых нельзя встретить подобных мотивов. Эллинистические памятники Херсонеса содержат скупые надписи, указывающие только имя и отчество погребенного, и изображения, на которых перед нами предстает не образ почившего, а его половозрастные атрибуты: на женском надгробии рельефно или только красками изображались тэния и алабастр, на памятнике, поставленном человеку, погибшему в юности, – стригиль и арибалл, стела, воздвигнутая зрелому мужчине украшалась изображением меча и портупей, а если погребенный умер в преклонных годах – сучковатого посоха (рис. 2). Герой не взирает на нас со своего надгробия и не жалуется на безвременную кончину в стихах эпитафии. При этом остальные черты погребального обряда указывают на героизацию умерших: это и оформление стел в виде миниатюрных копий храма, и распространение саркофагов, наисков, антропоморфных надгробий. Но портрет самого человека на его надгробии в IV–III вв. до н. э. не представляется херсонесским мастерам необходимым. Видимо, более важными являлись его общественные функции – материнство, защита родины (или подготовка к ней, или неспособность быть воином в силу возраста). Эта функция и указывалась на памятнике. Скорее всего, такая яркая черта херсонесских надгробий связана с дорийским характером полиса. В условиях постоянной военной угрозы личность гражданина в глазах современников, вероятно, была менее значима, чем его социальная роль. Такое предположение подтверждается сведениями об отношениях херсонеситов со скифами, бывшими постоянными врагами полиса [24, с. 9–15]. И если учесть, что херсонесские памятники, с одной стороны, свидетельствуют о героизации умерших, а с другой стороны, не содержат указаний на индивидуальные черты умершего, то можно предположить, что внутри семьи складывалась традиция почитания героизированных родственников, но, поскольку памятник ставился над захоронением и для всеобщего обозрения, на нем изображались только атрибуты умершего и писалось только его имя. Если семья потеряла близкого человека, то полис потерял, в первую очередь, воина, мать будущих воинов, мудрого старца и т. д. Эту догадку подтверждает и тот факт, что единственным исключением для херсонесских надгробий эллинистического является надпись на стеле иностранца: «Сыну воздвиг своему, усопшему Лисханориду / Эту гробницу отец, врач с Тенедоса Эвклес», – гласит стихотворная эпитафия. На этой стеле изображение также нетипичное – представлена сцена прощания отца и сына [11, с. 59]. О том, какая судьба ждет человека за порогом смерти, ни в одном случае не сказано. Можно только предпо-

ложительно говорить о том, что, устанавливая богатые памятники, напоминающие храмы, херсонеситы надеялись на то, что почившие удостоятся пребывания вместе с богами и героями (рис. 3).

Так же, как и обычай заменять портрет умершего изображением его атрибутов, традиция лаконичных надписей на погребениях бытовала только до римского времени. Позднее херсонесские стелы украшают стихотворные эпитафии, не менее эмоциональные, чем боспорские. Например, широко известная эпитафия на стеле Ксанфа, датируемая первыми веками нашей эры:

«Ксанф, сын Лагорина, прощай! Странник, скрываю собою я Ксанфа, который Был утешеньем отца, Родины юной красой, Сведущим в таинстве Муз, безупречным средь сонма сограждан, Чтимый средь юношей всех, светлой звездой красоты. В битве за родину был он завистливым сгублен Ареем, Сирым родителям слез горький оставивши дар. О, если больше Плутону, чем вам достаются на радость Дети, зачем вы в родах мучитесь, жены, тогда?» [23, с. 26].

В херсонесских эпитафиях римского времени обращают на себя внимание следующие черты: мотив разговора умершего с прохожим, жалоба на несвоевременность и трагические обстоятельства смерти, распространяющаяся римская формула «Богам Манам». Все это представляет совершенно разное отношение к смерти и посмертию: от молчания о загробном мире, до уверенности в том, что духи умерших могут помогать или вредить живым. Э. И. Соломоник отметила, что некоторые надгробия римского времени свидетельствуют об увлечении херсонеситов астрологией, в частности, учением о том, что звезды определяют срок жизни, а душа человека после смерти обитает на Луне и других светилах. На распространение подобных взглядов указывает выражение «исполнив срок жизни», встречающееся в отдельных надписях, а также изображение трех звезд на надгробии Парфенокла (рис. 4). Под изображением звезд помещена типичная для римского периода эпитафия: «(Под) сим памятником лежу я, Парфенокл, сын Проклиона, трижды исполнивший десятилетнее время. Радуйтесь, прохожие, и вместе с тем здравствуйте» [22, с. 91].

ВЫВОДЫ

Таким образом, мы видим, что эпитафии отражали изменение взглядов на посмертную участь в античном обществе, в том числе и в городах Северного Причерноморья. И наиболее важным изменением стала героизация умерших, существовавшая с эллинистического времени вплоть до широкого распространения христианства в IV-V вв. Именно героизация умерших способствовала иному восприятию посмертия, предполагая для души умершего достойную и даже желанную участь. Немаловажным представляется дальнейшее исследование греческих эпитафий, сопоставление северопричерноморских надписей и надписей из других центров, в частности, малоазийских, а также привлечение нового материала.

Список использованной литературы

1. Вересаев В. В. Аполлон и Дионис / В. В. Вересаев. – М. : изд-во политической лит-ры, 1990. – 81 с.
2. Гайдукевич В. Ф. Боспорское царство / В. Ф. Гайдукевич. – М. ; Л. : изд-во АН СССР. – 1949. – 624 с.
3. Гиппократ. Соч. / [пер. с древнегреч. В. И. Рудневой]. – М. : Биомедгиз, 1936. – 736 с.

4. Гомер. Одиссея / [пер. с древнегреч. В. Жуковского]. – М. : Правда, 1984. – 320 с.
5. Даниленко В. Н. Надгробные стелы / В. Н. Даниленко // Сообщения Херсонесского музея. – Симферополь : Крым, 1969. – Вып. 4 : Башня Зенона – С. 29-44.
6. Диатроптов П. Д. Культ героев в античном Северном Причерноморье / П. Д. Диатроптов. – М. : Индрик, 2001. – 136 с.
7. Доватур А. И. Проводы Феофилы (CIRB 130) / А. И. Доватур // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. – СПб. : Глаголь, 1992. – С. 11-27.
8. Жмудь Л. Я. Пифагор и его школа / Л. Я. Жмудь. – Л. : Наука, 1990. – 187 с.
9. Зелинский Ф. Ф. Древнегреческая религия / Ф. Ф. Зелинский. – Пг. : Огни, 1918. – 360 с.
10. Зелинский Ф. Ф. Религия эллинизма / Ф. Ф. Зелинский. – Пг. : изд-во РАН, 1922. – 44 с.
11. Картер Дж. Надгробия Херсонеса: Исследования и консервация / J. C. Carter [пер. с англ. С. Теленковой]. – Севастополь : Ege Yainlan, 2006. – 91 с.
12. Колесникова Л. Г. Значение и место антропоморфных надгробий в некрополе Херсонеса / Л. Г. Колесникова // Советская археология. – 1977. – №2. – С. 87-99.
13. Корпус боспорских надписей / [ред. В. В. Струве]. – М. ; Л. : Наука, 1965. – 950 с.
14. Надписи Ольвии / [ред. Е.И. Леви]. – Л. : Наука, 1968. – 133 с.
15. Панченко Д. В. Эпитафия Гекатея (CIRB 121) : конфессия, философский топос или выбор пути? / Д. В. Панченко // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. – СПб. : Глаголь, 1992. – С. 28-42.
16. Папанова В. А. Урочище Сто могил – некрополь Ольвии Понтийской / В. А. Папанова. – К. : Знання України, 2006. – 278 с.
17. Платон. Соб. соч. / [ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи]. – М. : Мысль, 1994. – Т. 3. – 654 с.
18. Русяева А. С. Религия понтийских эллинов в античную эпоху / А. С. Русяева. – К. : Стилос, 2005. – 559 с.
19. Русяева А. С. Орфизм и культ Диониса в Ольвии / А. С. Русяева // Вестник древней истории. – 1978. – № 1. – С. 87-104.
20. Свенцицкая И. С. «Памяти ради» : эволюция отношения греков к смерти и погребальным обрядам в эллинистическо-римское время / И. С. Свенцицкая // Вестник древней истории. – 2003. – № 4 – С. 101-110.
21. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического / Э. И. Соломоник. – М. : Наука, 1983 г. – 93 с.
22. Соломоник Э. И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса / Э. И. Соломоник. – К. : Наукова думка, 1973. – 282 с.
23. Соломоник Э. И. «Ксанф, сын Лагорина, прощай!» : Поэзия античного Крыма / Э. И. Соломоник // Крымский альбом : историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. – Феодосия : Коктебель, 1996. – Вып. 1. – С. 25-31.
24. Стржелецкий С. Ф. XVII башня оборонительных стен Херсонеса (башня Зенона) / С. Ф. Стржелецкий // Сообщения херсонесского музея. – Симферополь : Крым, 1969. – Вып. 4 : Башня Зенона – С. 7-29.
25. Херсонес Таврический в середине I в. до н. э. VI в. н. э. : очерки истории и культуры / [ред. В. М. Зубарь]. – Харьков : Майдан, 2004. – 729 с.

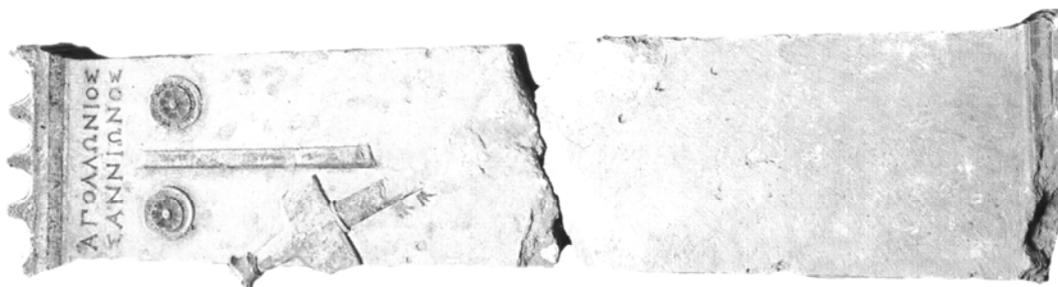

Рис. 2. Херсонесская стела Никия и Анхиала

Рис. 1. Сцена прощания на стеле

Рис. 4. Стела Парфенокла, Херсонес.

Рис. 3. Стела врача, Херсонес

Лейбенсон Ю. Т. «Да буде легкий тобі всякий камінь»: погляди северопричорноморських еллінів на посмертну долю (за матеріалами епіграфічних пам'яток) / Ю. Т. Лейбенсон // Вчені записки Таврійського національного університету імені В. І. Вернадського. Серія «Історичні науки». – 2012. – Т. 25 (64), № 2. – С. 132–143.

Стаття присвячена аналізу відображення в епітафіях античних міст Північного Причорномор'я поглядів на посмертну долю людини. Відомо, що сприйняття загробного існування поступово змінювалося. В архаїчний і частково класичний періоди переважав песимістичний погляд на посмертя. В елліністичний час широко поширюються звичаї, пов'язані з героїзацією померлих. Нарешті, в римський час героїзація стає масовим явищем. Якщо раніше героями ставали лише ойкіст і доблесний воїн, то в перші століття по Р. Х. кожна сім'я шанує своїх померлих, як духів-охоронців. Для героїв споруджуються особливі пам'ятки, на їх честь приносяться жертви. У Північному Причорномор'ї всі ці загальногрецькі процеси знаходять відображення в різних типах пам'яток, в тому числі, епітафій. Епітафії є масовим матеріалом. Тому вони свідчать не тільки про полісні традиції, але і про індивідуальні погляди авторів. Звертає на себе увагу той факт, що для колоній Північного Причорномор'я характерна практично одночасна з метрополіями еволюція поглядів на посмертя. Епітафії з Ольвії та міст Боспора класичного часу, за деякими винятками, лаконічні. Елліністичні ж написи все більш звертаються до індивідуальності людини, багато епітафій містять надію на блаженну долю померлого. Цікавою здається відміна епітафій Херсонеса від епітафій Ольвії та міст Боспора. Елліністична героїзація померлих, безумовно, торкнулася Херсонеса, про це свідчать численні форми надгробних пам'ятників. Але елліністичні епітафії херсонеситів до римського часу так само лаконічні, як і в попередню епоху.

Ключові слова: епітафія, Північне Причорномор'я, героїзація, еллінізм.

Leybenzon J. T. «Let there be light to you every stone»: the views on the postmortal fate Greeks in the Northern Black Sea Region (based on the epigraphic sources) / J. T. Leybenzon // Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. – Series: Historical Science. – 2012. – Vol. 25 (64), No 2. – P. 132–143.

This article analyzes the reflection in the epitaphs of ancient cities in the Northern Black Sea Region views in the postmortal fate of man. It is known that the perception of existence beyond the grave gradually changed. In the archaic and classical periods partially prevailed pessimistic view of the afterlife. In Hellenistic times widely distributed customs associated with the glorification of the dead. Finally, in Roman times glorification becomes widespread. If the heroes were previously only oykists and brave soldiers, in the first century AD, each family honor their dead, as spiritual guardians. For the characters of special monuments erected in their honor sacrifices. In the northern Black Sea coast these processes are reflected in the different types of sites, including epitaphs. Epitaph to a mass material. Therefore, they show not only the traditions of the polis, but also on the individual views of the authors. Attention is drawn to the fact that the Northern Black Sea colonies typical of practically contemporaneously with metropolitan evolution of views on the afterlife. epitaphs from Olbia and cities of Bospor classical time, with some exceptions, laconic. Hellenistic inscriptions also increasingly turning to personality rights, many epitaphs provide hope for a blissful fate of the deceased. An interesting contrast to the epitaphs of Chersonesus epitaphs Olbia and cities of the Bosporus. Hellenic glorification of the dead, of course, affected the Chersonesus, it was evidenced by the many forms of tombstones. But Chersonesus' epitaphs to the Roman period also scarce, as in the previous era.

Keywords: epitaph, the Northern Black Sea Region, glorification, Hellenism.

Поступила в редакцію 01.11.2012 з.